

РАЗГОВОР О ДУШЕ

Театр.
костюмы

Т ЕХ, КТО НЕ ЧИТАЛ театральной повести Василия Макаровича Шукшина «А поутру они проснулись...», начало спектакля встало пресладох. В полутьме на сцене раздался жуткий вопль. Чуть-чуть высветился задник, и прообразилась мучающаяся из его фиши точная фигура.

— Где л?! Где л?! — полный ужаса и безысходности голос подал в зал, вставшая вздрагивать.

Какже-то певнище вздохи поспылились, охавая, и пусто, почти мертво, пронзучал отсвет:

— На том свете...

Еще через минуту колелки и ролик из сцены замигнется яркой свет, и среди фигур, полузакрывающихся в болше простыни, появятся старшина милиция.

Так начинаются спектакли, поставленные гостями Примурья, артистами русского драматического театра города Якутска. Правда, сначала можно назвать и другое. Перед тем, как развернуться действие, с проецируемого на задник огромного портрета на нас смотрят Шукшин. И звучат его слова. О том, что современному человеку живая в кругу проблем, решает их и устает от них. Они самые разлобообразные — эти проблемы, во есть среди них главная — это сам человек, его душа. И писатель предлагает нам повесть разговор о душе.

Разговор по отвлеченный, без философских символов и терминов, в явном конкретный, с конкретными, живыми, самыми разными людьми. И уж место-то для разговора выбрано — кула конкретный — медицинский вытрезитель.

И вроде бы свет появляется в зале, когда зритель понимает, что кто на место. Но свет этот — скорее смех обличительный после действительно жутковатой сцены, когда за секунды до появления старшим милиции под ярким вывешенным светом метается фигура не всем болон, а глаза у нас обезумевшие...

Потом, по течению спектакля, смех будет парастать, лишь приглушаясь временами. Но блико к концу второго действия, следот и пропадет вовсе, а останутся только тишина в зале и работа, напряженный труд на сцене.

Без видимых причин пошла ясо она сюда — Очарник, Сантехник, Сухой, Нервный, Мрачный, Урка, Тракторист, Молчаливый. Они понимают, что социолог хочет услышать от них что-то важное, глубинное, по не видят в своем пальтеце ничего социально опасного. Она со вниманием дела рассуждают о максимальной дозе спиртного, после которой наступит потеря памяти. Она — большинство из них — считают

случайным, даже небрежным, тем, что, мол, стечено обстоятельств.

Впрочем, многие из в зале увидели бы это социально дурное в тех эпизодах — взятых на живни, обильных, — если бы по приглянулась за всем происходящим та самая необходимая инстинктивная боль по человеку, по его душе?

Вот, вроде бы, широту патуры, русскую удалу, остроту молодеческого пропоянот Первый (артист Э. Кушнис) и его друг себиряк

Колы, сослабляющая вагоновозную от закопанных пассажирив.

Для другой эпизод. Ничего платного не взят Сухой (артист И. Остановский) в том, чтобы погугать своего соседа-закрыльца, жулика и к тому же болшого труса. Формула поведения при этом такова: ну почему бы не покуриваться, он ведь дрянь — этот сосед, и тому же мешает спать громной музыкой?

И, повторю, если бы не приглядывало за всем этим шукшинское, то имело так бы и можно было воспринять эти да и другие эпизоды. Но окатель, а ли они и режиссер, и артисты показываю: по широта это патуры, по удале в не озорств. Это — главление над человеческим достоинством, издевательство над пассажирами, которые не и следят дель достойный отпор. Ну а во втором случае — нечто болше страшное: мы видим, что если дать такому Сухому ластовиную власть, то последствием будет плачевный...

Нет, конечно, но за эти поступки пошла они все в вытрезитель. Такие действия подчас и болонно квалифицировать, как уголовное наказание. Вот сюда под эти яркие лампы света и закутыва, подгузыть, и болонно предубоившие простыни одню и то же — вода.

Мы понимаем Очарника (артист А. Попов) и сантехником ому. Он впервора, чтобы убить в себе извечную застенчивость, чтобы заглушить боль от взаимоотношения, на которой хотел жениться. Мы даже понимаем Урку (заслушанный артист ИАССР И. Д. Антонов), который никому не страшен и со всеми своими близкими сантехниками, инваднами выглядяет анахронизмом, и цепляется за всю эту труду только потому, что не за что ому болше цепляться, нет у него ничего иного.

И вот в какой-то момент (а и этому нас исподвоить и видеть Шукшина) мы другое начинаем понимать. Начиная сознание, что средина их всех, такит разных, все та же вода. Средина и вставила вытрезитель в момент патрорчайший самую, мол-

(зая, артист ИАССР А. И. Кушниса), пьют ширемешку воку, коньяк, водку и выплескиваются, выплескиваются...

Тад, может, это то, что в обычных — нормальных — условиях жизни человек боится, стыдится выказаться, старается в себе преодолеть, чтобы стать лучше, чище? Если так, то тогда вода — это эле из эол, которое все мушнов воднивает на тайников человеческой души и вытесняет разум.

Да, видимые причины для поколения осок этих людей в одном месте ест. Ноготгоры и акостотиками-то не вылашли. И если-таки волята или человек, но болон человеческого ода в какой-то момент, оуть и на короткий период, во исторяла, а чом вылопаты не только они сами, но и все окружающие их, все мы. Да, мы. Потому что период, порой даже ан замечал оного, равня дружи грубостью, безучастностью, безактностью.

Именно об этом говорит, нет — кричит, еще один персонаж в конце спектакля, тако пропоянотый под пропоянотый почта для часа сподического времени. Этот эпизод, когда элемент вытрезителя посплет, провадит при полном молчании зал, без смеха. И он предиктивно вытрезит зрителя. Хотя сам Шукшин считал это прованедение болоночным, и мы вынужденны с ним согласиться, но я том, что происходит на сцене — в эпизоде с Молчаливым, — есть первый главный вывод — болон. Он таков: почему мы позволим болончавино пануть свой душа? И второй вывод: болонны это делать, споса все в молчании, мы или превращаемся в легка равные болонотные существа, или чертешком к сима пачинаем раздавить уда-ры.

Эту глубинную философскую идею Шукшина артисты из Якутска, на мой взгляд, сумели донести до зрителя хорошо. Можда отмогать отдалеко прочесть, сполнение по болончавности (к примеру, в эпизоде с бывшим начальником), но в целом это болоночная удача те-

баты Э. Кушниса (Первый), А. Кушниса (Сантехник).

Разговор о душе, конечно же, не окончен. Он будет, пока есть человек. Он болоночен — этот разговор. И очень хорошо, что он идет вот так — со сцены, в гарту на глаза, лицом к лицу со зрителем.

А. КВАДА.

вместе с подвалом у Сантехника